

Интервью «Учительской газете» (1993 г.)

«...А вот молодежь жалко»

История — учитель жизни. Но сейчас жизнь попросту убивает этого Учителя, как, впрочем, и остальных. Наука, судорожно балансируя на острие нынешней ситуации, делает все возможное, чтобы не сорваться. Принимаются различные постановления о реорганизации, изменении, перестройке научной деятельности, цель которых хоть как-то выжить, приспособиться, не сорваться. Отделение истории РАН также входит в число этих канатоходцев.

В той же степени, в какой неизвестно наше будущее, продолжает оставаться туманным наше прошлое. Чему учить, как учить — эти вопросы стоят сейчас перед каждым учителем истории. То, что раньше было черным, старательно перекрашивается в белый цвет. Проблемы, стоящие перед исторической наукой, сродни трудностям, переживаемым всем нашим обществом. Что это за проблемы и каков все-таки выход — основная тема разговора Александра Губанова с секретарем Отделения истории РАН академиком Иваном Ковальченко.

— Иван Дмитриевич, трудно ли сегодня быть историком?

— Историком трудно быть всегда, поскольку это касается людей, живущих рядом с нами, а если и ушедших, то среди современников всегда найдутся люди, склонные положительно относиться к одним тенденциям и идеям и отрицательно — к другим. Отличие общественно-гуманитарных наук от естественных и состоит в том, что нашим объектом познания является человек со своими потребностями, интересами, своей собственной индивидуальностью. Скажем так: человек в истории смеялся и плакал. Кроме того, исследователи тоже ведь люди. Органическое сочетание в общественно-историческом развитии объективного и субъективного очень осложняет изучение. К тому же общая ситуация в стране изменилась во многих аспектах далеко не в лучшую сторону. Сложности, которые были, — остались. В материальном плане стало значительно хуже. Если раньше, до прошлого года, нам денег не хватало, то теперь у государства средств на науку стало еще меньше.

Ученый же для того, чтобы заниматься наукой, не должен постоянно думать о хлебе насущном, ему необходимо находиться на приличном жизненном уровне. Но для этого нужны какие-то реальные возможности. А вот будут ли они — в этом я сомневаюсь. И здесь дело даже не в том, что в нашем руководстве не понимают значения науки и образования. Нет, просто реальная ситуация такова, что возможностей для компенсации роста инфляции у

правительства просто нет. Скорее всего, они не появятся и на протяжении первой половины, а может быть, и всего этого года. К сожалению, историку это бросается в глаза, пожалуй, больше, чем кому бы то ни было.

— *Иван Дмитриевич, вы как-то сказали, что кризис советской исторической науки нельзя назвать всеохватывающим...*

— Во многих сферах исторических исследований было углубление наших знаний. Даже если говорить о советском периоде, разделах новейшей истории, пострадавших больше других, то даже там был какой-то прогресс. А если взять историю древности, античности, средневековья, нового времени, то здесь было много фундаментальных работ, известных не только в нашей стране. Причиной того, что большинство талантливых и способных ученых уходило в «глубь веков», было отчасти именно то, что в этих областях меньше всего сказывалось политическое и идеологическое давление.

— *Но как таковой кризис все-таки был?*

— Так он был не только у нас, но и в зарубежной историографии. На то есть две основные причины. Первая — политико-идеологическая, когда только ИМЛ мог трактовать Маркса и Энгельса, когда только «Правда» и «Коммунист»¹ могли претендовать на некую абсолютную истину. Но одновременно с этим существовала и другая причина, заключающаяся в развитии самой науки. На каждой стадии этого процесса преобладает и доминирует определенная система взглядов. Но наука тем и хороша, что в ней никому не дано сказать последнего слова. Объект познания настолько сложен, что не было, нет и не будет никогда какой-нибудь одной всеохватывающей теории. Любой из них присуща некая ограниченность. Марксизму, структурализму, позитивизму — любой. А общая международная обстановка, приведшая к политической, идеологической и военной конфронтации, резко поляризовала и науку. Наши историки акцентировали внимание на явлениях массовых, объективных, классовых, революционных. Историки-немарксисты, наоборот, подчеркивали значение субъективного, неповторимого, стихийного и эволюционного, индивидуально-человеческого. И мы, и они абсолютизировали положения тех теорий, на которые опирались. В результате — расхождение к краям. Это привело к ограничению возможностей развития науки как нашей, так и зарубежной.

— *Таким образом, будущее науки за сближением этих полюсов?*

— Только так. Уже к концу 70-х и нам, и им стало ясно, что дальнейший прогресс на основе поляризации невозможен. За последние же год-полтора был проведен целый ряд встреч и конференций, на которых ведущие специалисты в области истории со всего мира разрабатывали пути и возможности плодотворного сотрудничества. Пожалуй, наиболее яркой из них применительно к отечественной истории стала проведенная в 1991 г. международная

конференция «Россия в XX веке», на которой впервые встретились крупнейшие специалисты по новейшей истории нашей страны.

В свою очередь тематика и ведущие направления исторических исследований на ближайшее время, выдвинутые Отделением истории, в большинстве своем международные.

— *Но не впадем ли мы в другую крайность? Не кажется ли вам, что та порой насильно проводимая «декоммунизация» нашего общества будет очередным выплескиванием очередной порции грязной воды вместе с очередным ребенком?*

— В основном так оно и есть. Парадокс состоит в том, что в угоду узкогрупповым амбициозным запросам история нашей страны произвольно перекрашивается и искажается нашими соотечественниками в значительно большей степени, чем это делалось нашими противниками в годы наибольшей конфронтации. На этой почве за рубежом и родилось язвительное утверждение о том, что самым непредсказуемым в современную эпоху является историческое прошлое нашей страны. История оказалась очень удобной для списывания на нее всех наших текущих трудностей и бед. При этом забывается элементарная истина. Данное состояние любой общественной системы определяется не только (а часто и не столько) ее историей, сколько нынешним ее бытием.

Кроме того, людям вообще, и ученым в частности, всегда проще решать свои вопросы, придерживаясь крайностей. Скажем, раньше мы говорили, что Октябрьская революция — это величайшее историческое событие XX века, а сейчас утверждаем, что это величайшая трагедия, забывая о том, что это прежде всего событие сложное, приведшее как к положительным, так и к отрицательным последствиям.

— *По-моему, это стало уже доброй русской традицией — браться в крайности.*

— Это, конечно, не только русская черта, но то, что у нас она распространена сильнее, чем где бы то ни было, верно. С точки зрения исторической, некое безграничное терпение — характерная черта русского народа. Когда же оно лопается, тогда все сразу становится с ног на голову. С точки зрения же психологической — придерживаться крайностей намного легче. Самое простое, что можно сделать (и что мы сейчас главным образом и делаем), — отказаться от одних односторонностей, заменив их другими. Это психологическое свойство человека использовалось всеми тоталитарными государствами. Так, Ницше, например, говорил, что основной мотивацией человеческого поведения является стремление к власти, борьба за власть. Тезис отчасти верный, но очень односторонний. Фашисты же сделали из него универсальный лозунг. Мы в свою очередь так же поступили с марксизмом.

— *Очень тревожит засилье некоей публицистичности в отношении к истории.*

— Вы выразились очень мягко. Я бы сказал — дилетантства. Так, например, говоря сегодня лишь о «красном терроре» и совер-

шенно забывая про то, что террор не может быть односторонним, мы упускаем из вида главное — причины, вызвавшие его остроту с обеих сторон. Если говорить коротко, то причиной этой бескомпромиссной борьбы стало отсутствие социально-экономических предпосылок для перехода к социализму. Их не было не только в России. Даже сейчас ни одна страна еще не достигла такого уровня развития. А тогда, в 17-м, перед Россией стояли проблемы именно буржуазно-демократического характера. Но решить их в условиях капиталистического строя было невозможно по той причине, что в России старое с новым срослось настолько прочно, дворянство и буржуазия были настолько неотделимы друг от друга, что разрубить этот узел безболезненно было практически невозможно. Нужна была народно-демократическая революция. Она и произошла. Но сложность ситуации привела к некоей максимализации антибуржуазности, к бескомпромиссности с обеих сторон, к жестокостям Гражданской войны, к нескольким волнам эмиграции — очередную мы наблюдаем сейчас. Причем с точки зрения потерь в плане интеллектуального потенциала общества мы теряем значительно больше, чем в предыдущие годы. Скажем, уезжает один человек, увозит с собой какие-то свои идеи, но при этом он забирает и то, что накоплено и рождено не только им. Потери будут на два, может, даже на три порядка выше, чем число уехавших.

— Да, конечно. Но если раньше люди уезжали большей частью по, скажем так, политическим мотивам, то сейчас они бегут по причинам в основном материального характера. Получается, что прежние административно-идеологические рамки сменились неким финансово-экономическим давлением. Даже если у человека есть свежие оригинальные мысли, какие-то работы, монографии — как он сможет их напечатать?

— Правильно. Любой диктат — это какие-то ограничения, а любое ограничение пагубно для науки, и к каким потерям это может привести, еще неизвестно. Процесс коммерциализации издательского дела прямо ведет к подрыву в нашем обществе важной роли общественно-гуманитарных наук, ибо основой всякой науки являются фундаментальные исследования. Издательство «Наука» ведет прямо-таки разбойную политику, многократно меняя размеры требуемой оплаты и отказываясь от строгих договорных отношений с отделениями и институтами. Хорошо видно, как научная продукция по той же истории отодвигается и уже отодвинута на второй план легковесными поделками сенсационного характера.

— То есть историкам предлагается создавать серьезные научные труды в духе некоего «пикульства»?

— А вы знаете, это вполне возможно. Среди истинных историков есть такие люди, которые, встав на стезю Пикуля, сделают ее еще интереснее и, что самое главное, правдивее. Ведь можно серьезно писать и про любовников Екатерины. Приведу пример из своей студенческой юности. Как-то, когда я ехал в университет и

по дороге читал книгу В.И. Семевского «Крестьяне в царствование Екатерины II»², ко мне подсел интеллигентный старичок. Поинтересовавшись, как называется книга, он сказал: «Екатерина-то была прелюбопытнейшей женщиной. Ведь посмотрите, как дела вела со своими фаворитами: ночью они обслуживали ее, а днем — государство». Так если написать о любовниках Екатерины с точки зрения не только обслуживания императрицы, но и государства, то получится вполне серьезная книга.

— Так что же все-таки будет со всеми нами и с нашей исторической наукой в будущем?

— Несмотря на нынешние сложности, кризис рано или поздно будет преодолен. Но вся беда в том, что существуют два измерения. Первое — историческое, согласно которому ничего экстраординарного не происходит. И второе — человеческое, имеющее совсем другой масштаб, включающее в себя всего несколько десятилетий.

Что я могу сказать? Ну не повезло нам. Попали в такой исторический период. Как историк, я в данном случае не могу быть пессимистом. А как человек... Я-то уже старик, а вот молодежь жалко.

Интервью опубликовано в газете «Учительская газета» (№ 4 за 2 февраля 1993 г.).

¹ Имеется в виду ежедневная общеполитическая газета «Правда» — орган ЦК КПСС и теоретический и политический журнал ЦК КПСС «Коммунист».

² Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1—2. СПб., 1881—1901; изд. 2-е, испр. и доп. Т. 1. СПб., 1903.